Новелле Николаевне Матвеевой довелось стоять у истоков бардовского движения, быть одной из его зачинателей. Тем, чья молодость пришлась на 50—60-е гг., это имя скажет многое. Читателям помоложе, должно быть, покажутся знакомыми строчки: «Любви моей ты боялся зря, не так я страшно люблю...». Они — из песни «Девушка из харчевни», которую знают буквально все. Другую ее песню «Какой большой ветер!» многие слышали в исполнении Владимира Высоцкого, ее включала в свои концерты Елена Камбурова. Ну и, конечно, всем памятна забавная и трогательная песенка «Девочка и пластилин», звучавшая в фильме «Почти смешная история». Музыку к ней написал Сергей Никитин, а слова принадлежат Новелле Матвеевой.

Стихи и песни Новеллы Матвеевой были восторженно встречены Самуилом Маршаком.

В 1972 году Новелла Матвеева изменила своему правилу — писать музыку только на собственные стихи. Изменила ради самого близкого человека — Ивана Киуру: поэта, друга, мужа. В феврале 1992 года жестокая болезнь нарушила этот союз: ушел Иван Семенович Киуру. Это страшное событие могло навсегда (или уж, по крайней мере, надолго) отвлечь Новеллу Николаевну от творчества. Но, к счастью, она нашла в себе силы для работы, для жизни.

Мы благодарим Новеллу Николаевну за интервью «Вечернему клубу». Оно далось ей совсем не легко...

Новелла МАТВЕЕВА:

Веч. Клуб. — 1992. — 17 нояб.

"И в теплом ветре ловить опять то скрипок плач, то литавров медь..."

— Новелла Николаевна, давайте начнем наш разговор с детских лет. Где вы родились?

— В Царском Селе. После моего рождения родители переехали в Москву. Отец был историком, библиографом, краеведом. Он редко задерживался на одном каком-то месте, потому что сразу начинал разоблачать всякие злоупотребления. Так мы и переселялись: из Москвы — в Звенигород, из Звенигорода — в санаторий «Сукманиха», из «Сукманихи» — на станцию Соколовская, а оттуда — уже на Чкаловскую. Незадолго до войны мать и отец расстались...

— Насколько я знаю, первые ваши песни появились уже там, на Чкаловской?

— Да. Мы жили с матерью, братом и сестрами в эвакопункте при Чкаловском детском доме. Через него провозили детей с фронта. Они были больные, в лохмотьях, их там пытались как-то привести в божеский вид. В заброшенных школьных кабинетах книги буквально валялись на полу. Там сестра отыскала пьесу Александра Гладкова «Давным-давно». Она мне так понравилась, что я придумала собственную музыку на некоторые стихи Гладкова. А над «Песенкой мадемуазель Жермон» и вовсе проделала несколько литературных опытов. Амурную тематику я тогда судила строго, да и сестра меня задразнила бы, покажи я ей песню с таким текстом. Вот и стала я примерять на песенку м-ль Жермон собственные слова. Это была первая вещь, написанная «бардовским способом»...

— А что вы еще любили читать в детстве?

— Ну, в основном, взрослые книги. Например, «Горе от ума» Грибоедова. Грина. А из детских, помню, мне попала в руки «Козетта» Гюго. На меня произвела глубочайшее впечатление история про маленькую бедную Козетту, которую все время обижали девочки-богачки. У нее была тряпичная кукла, а потом пришел незнакомец и подарил Козетте большую, настоящую...

— А вы-то сами любили в куклы играть?

— Нет, не очень. Но у меня была игрушечная кошка, как раз тряпичная. Я ее кормила киселем, кашей, поэтому морда у нее вся была измазанная. Я была очень к ней привязана, даже спала с ней. При бесконечных переездах она как-то затерялась. Я очень горевала...

— Сочиняя первые песни, вы уже владели гитарой?

— Нет. Азы игры на гитаре показала мама, когда мне исполнилось уже лет пятнадцать—шестнадцать. В отличие от меня мама обладала очень сильным звонким голосом. У нее было несколько своих песен, романсовой такой направленности...

— Значит, самые первые песни были без музыкального сопровождения?

— Да, поневоле без сопровождения. Я была еще маленькая.

— Первая ваша публикация была в «Комсомольской правде», кажется, в 1959 году. Как случилось, что девушку из провинции заметила крупнейшая столичная газета?

— Я рассылала свои стихи по разным редакциям. Одно письмо попало литконсультанту журнала «Литература и жизнь» Игорю Грудеву. Он показал стихи Давиду Кугультинову. Тот поехал в Нальчик, на совещание писателей, дал их почитать Виктору Бушину, Лену Карпинскому — это все были работники ЦК комсомола, но, тем не менее, достаточно прогрессивные для своего времени люди. Они стали всячески хлопотать за меня, и их хлопоты увенчались той подборкой стихов в «Комсомольской правде», о которой вы говорите.

— А как получили известность ваши песни?

— В 1960 году я приехала в Москву учиться на двухгодичных Высших литературных курсах при Литинституте им. Горького и решила показать свои песни однокурсникам. Меня стали записывать на магнитофоны, и пошло-поехало...

— И что вы пели тогда?

— Тогда я пела «Миссури», «Песню свободы», «Кораблик» и т. д. Наше общежитие находилось на окраине, в районе Останкина. И как-то, прогуливаясь по вечернему городу, я придумала целый цикл песен об окраине: «Дома без крыш», «Водосточные трубы» и «Там, где кончается город».

— А когда вы впервые вышли со своими песнями к публике?

— Первое выступление было неудачным. Мы заканчивали курсы и устроили выпускной вечер. Один из нас выходил с отрывком своей прозы, другой — с речью, а я выбралась на сцену с гитарой и неожиданно для публики запела. В зале повисло какое-то недоуменное молчание, даже, как мне показалось, враждебное. А потом мне один знакомый объяснил: «Знаете, когда вы выходите на сцену, надо сказать, мол, я не профессиональная исполнительница, у меня нет голоса, а песни, которые я сейчас спою, моего собственного сочинения, так что не судите строго». Но именно после этого сугубо неудачного вечера началось то, что называют популярностью. А может, это просто заслуга магнитофонов? Кто знает...

— В одном интервью вы сказали, что поначалу жили в полной творческой изоляции, не ведая о коллегах по жанру. Кого из бардов вы потом услышали? Кто из них наиболее вам близок?

— Я в 1962 году впервые услышала песни Окуджавы «О голубом шарике», «Ваньку Морозова» и «Вы слышите, грохочут сапоги». Потом Анчарова, затем Высоцкого. Мы с мужем были совершенно побеждены, покорены и пленены его песней «Лукоморье». Я подумала: «Что это за мужичок такой хрипатенький поет?» Но в конце песни он вдруг перешел на совершенно нормальный, немного ироничный голос, и я увидела, что это просто замечательный артист. Причем очень естественный... Кроме уже названных бардов, мне нравятся Александр Городницкий, Виктор Берковский, Александр Дольский, Виктор Луферов. А из совсем новых — Борис Гребенщиков и, конечно, Юрий Лоза с его песней «Плот».

— Новелла Николаевна, а как вы познакомились с Иваном Семеновичем Киуру?

— Мы познакомились в 1961 году. Он тоже был студентом Литинститута. Издательство «Художественная литература» собиралось издавать книгу стихов Катри Вала — поэтессы, классика финской литературы — и предложило ему как поэту, знающему язык (Иван Семенович — финн по национальности), собрать переводчиков для этой книги. Он обратился ко мне, зная мои песни и стихи. В 1963 году я стала его женой.

— Что было после того, как вы окончили курсы?

— У меня готовилась к изданию книга «Кораблик». Ездить каждый день из Чкаловской я не могла, у меня ведь «транспортная» болезнь. А из общежития меня стали выселять. Заведовал общежитием некий Полехин, бывший тюремный надзиратель. По какой такой странной ассоциации его приставили к литераторам, я не знаю. Он очень активно взялся за мое выселение, неоднократно вызывал милицию. Приходилось сбегать от преследования к Елене Викторовне Златовой, жене поэта Степана Щипачева. Там я, кстати, познакомилась с Кирой Смирновой, которая стала исполнять мои песни в своих концертах, а года с 63-го начались и мои сольные выступления.

С жильем же мне и Ивану Семеновичу в конце концов помог Самуил Яковлевич Маршак. Он был настоящим моим благодетелем, сказочным человеком.

— Однако в 1968 году вы все-таки покинули Москву и переехали за город, в Сходню...

— Как-то ко мне пришли с письмом, под которым требовалась моя подпись, — о закрытом суде над Галансковым и Гинзбургом. Настаивали на открытом суде. Ну я, конечно, подписала. Как выяснилось потом, эти и другие письма подписали многие. Но им простили, а мне почему-то нет... Иван Семенович догадался, что нам надо срочно убегать из Москвы, взял в долг денег и купил дом на Сходне.

— Я знаю, что вы пишете об Иване Семеновиче большие работы, и в двух словах о нем сказать чрезвычайно сложно... И все-таки: чем объясняется такое замалчивание его имени, почему с таким трудом проходили его немногочисленные публикации, почему так мало знают о нем читатели?

— Мне кажется, из-за меня. Ему не давали войти в силу на литературном поприще, потому что тогда он смог бы меня защитить от всевозможных хулителей и гонителей. А им было интересно, чтобы рядом со мной находился человек, который не то что защитить — сам отбиться не может. Но Иван Семенович все равно с пеной у рта меня отстаивал. Это его и надорвало... К тому же он сам был большой поэт, и он был новатор — в переводе, в поэзии, в критике. Привычных к банальности людей это шокировало. Те же, кто похитрей, перенимали его новаторство и получали за это почести и лавры. В общем, первопричина всех бед — «простая советская зависть», как говорил Иван Семенович.

— Новелла Николаевна, потеря Ивана Семеновича — большое горе для вас и для тех, кто близко его знал. Но надо жить дальше. В чем ваша надежда?

— Надежды у меня теперь никакой нет. Я могу надеяться лишь на встречу с ним т а м ... Я готовлю к изданию книгу Ивана Семеновича — его прозу, стихи. Пишу воспоминания о нем. В этом нахожу силы, в этом вижу свой долг перед его памятью.

Интервью брал Михаил НОДЕЛЬ.

На снимках: Новелла Матвеева в детские годы; с Иваном Киуру.